

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Михайлов И.А. — Новая публичность: современные дискуссии в Германии // Философская мысль. — 2023. — № 12. — С. 42 - 52. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.12.69471 EDN: BJFXMU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69471

Новая публичность: современные дискуссии в Германии

Михайлов Игорь Анатольевич

ORCID: 0000-0001-7750-9890

кандидат философских наук

старший научный сотрудник, Институт философии РАН

109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1, оф. 414

✉ ia.mikhaylov@gmail.com

[Статья из рубрики "Социальная философия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.12.69471

EDN:

BJFXMU

Дата направления статьи в редакцию:

23-12-2023

Дата публикации:

30-12-2023

Аннотация: В статье рассматриваются основные этапы и подходы к анализу проблемы публичности на примере работ Хайдеггера, Хоркхаймера, Адорно. Анализируется значение теории публичности, представленной в двух исследованиях Хабермаса, «Структурных изменениях публичной сферы» (1962) и публикациях 2021–2022 гг. Хабермас интерпретирует «публичную сферу» как особое пространство применения критического дискурса, формирующегося в эпоху становления капитализма. Если в феодальном обществе «публичность» отождествляется с государственным, то в XVIII–XIX в. складывается практика дискуссий о литературе, постепенно расширяющаяся до критического обсуждения процессов общества. С достижением к середине XX в. буржуазным обществом стадии «массовой демократии» и вмешательством государства, активно использующего манипулятивные технологии, рациональные основания дискурса

публичной сферы уступают место внерациональным. Область публичности становится сферой противостояния и противоборства интересов различных социальных групп. Новые структурные трансформации сферы публичности становятся заметными в 2010–2020 гг. и связаны с появлением новых медиа, новой ролью социальных сетей. В статье используются методы историко-философского анализа, социально-критический метод исследования, а также феноменологический и герменевтический методы. Новизна исследования заключается в следующих моментах. 1) Показаны причины отсутствия позитивного понятия публичности в немецкой философии первой половины XX в. 2) Разъяснена связь негативного отношения к публичности и глобального социально-исторического пессимизма первых десятилетий XX в. (на примере теорий Хайдеггера, Хоркхаймера и Адорно). 3) Очерчен общефилософский контекст, в котором проблема публичности разрабатывается Хабермасом; показана связь проблемы публичности и проблемы демократии. 4) Проанализированы основные этапы разработки Хабермасом проблемы публичности. 5) Объяснен смысл критики Хабермасом "новых медиа", появившихся в 2000–2022 гг. и дано краткое сравнение исследований Хабермаса с трудами других теоретиков медиа. 6) Показаны ограничения, связанные с переводом немецкого термина *Öffentlichkeit* (в русском языке: не только «публичность», но и «общественность»).

Ключевые слова:

социальная теория, критическая теория, Хабермас, Хайдеггер, Хоркхаймер, Адорно, демократия, медиа, капитализм, публичность

В 2021–22 гг. проблема публичности вновь стала темой оживленных дискуссий в Германии. Один из поводов дал Юрген Хабермас. 60-летний юбилей «Структурного изменения публичной сферы» [\[10\]](#) – своей первой и, по его собственной оценке, наиболее успешной книги – автор отметил еще одной небольшой книгой на эту тему [\[2\]](#), [\[13\]](#). Как это чаще всего бывает в случае Хабермаса, эта книга собрана из ранее опубликованных текстов. Не считая краткого предисловия, их на этот раз всего три: «Размышления и гипотезы к новому структурному изменению политической публичности»; «Делиберативная демократия. (Интервью)» и «Что такое "делиберативная демократия". Возражения и неверные истолкования». Появление этой книги способствовало широкому использованию выражения «публичность 2.0» – обозначения, которое в современных публикациях на эту тему в Германии в значительной мере обусловлено потребностями маркетинга¹. Вот первое произведение молодого философа, открывшее новую перспективу последующих исследований, а вот – публикация зрелого, опытного мастера, уже многие десятилетия признанного классика политической философии. Шесть десятилетий разрыва между этими книгами создают уже своего рода магическую исторически-временную дистанцию. Сотня страниц, опубликованных в 2022 г. словно символизируют подведение итогов, одновременно подчеркивая значение опубликованной в 1962 г. книги. Обе публикации построены на подчеркивании контраста между прошлым и настоящим, они указывают на новые события, новые феномены в важной для социальных наук сфере. Внимание читателя направляют на то новое, что Хабермас заметил относительно публичности в 1962-м году, а также на те изменения, которые произошли с ней уже в первые десятилетия XXI в. Чтобы вполне оценить новизну этих двух книг, необходимо понять, чем же была «публичность» до Хабермаса.

1. К истории термина и его многозначности

1.1. Различные значения «публичности»

В немецкой традиции слово «публичный» (*öffentlich*), из которого впоследствии образовался субстантив «публичность» (*Öffentlichkeit*) первоначально было синонимом к слову «государственный»². Наиболее близким эквивалентом к по-немецки понятной публичности в английском языке является *public sphere* (аналогично тому: «публичная сфера» в русском). При том, что оба термина восходят к латинскому *publicus*, в других языках отсутствуют присутствующие в немецком коннотации, связанные с открытостью: «öffentlich» означает, помимо прочего: «открытый», «видимый», «явный» [20, S. 1663]. В соответствии с различными контекстами немецкого же словоупотребления мы можем выделить по крайней мере четыре типа значений термина публичность. Первый контекст относится к публицистической – например, в выражениях «общественность (*Öffentlichkeit*) имеет право знать...». В этом случае подразумеваются дискурсивные практики, используемые журналистами и вообще любыми представителями медиа. Журналисты информируют, сообщают о том, как обстоят дела в той или иной сфере общества. Второй контекст имеет отношение к юридическим аспектам занятия публичными делами. В этом смысле мы говорим, например: «в общественных интересах (*im öffentlichen Interesse*) <должна иметься прозрачность действий государственных органов или крупных частных компаний>». Заметим, что уже в двух этих случаях нам кажется более естественным использовать слово «общественный», а не термин «публичный» (как в переводе обеих книг Хабермаса). Третий контекст относится, скорее, к области социологической – как в выражениях «лишь в пространстве публичности <возможно формирование общности сознания отдельных социальных групп>». Заметим, что здесь в качестве наиболее удачного эквивалента труднопереводимого слова *Öffentlichkeit* мы используем уже «публичность». Четвертый контекст, близкий к третьему, подразумевается в выражениях вроде «публичность есть гарант <того, что частная или политическая концентрация власти будет ограничена>». Здесь подразумевается политологический дискурс, в котором высказывается нечто о месте публичности в политической системе [20, S. 1663-1664]. Вывод, который современная политическая теория делает на основании этого анализа: не существует какой-либо одной, «единой» публичности. То, что означает этот термин, будет всякий раз зависеть от того контекста и тех задач, которые являются определяющими для человека, задающего вопрос об «общественности / публичности».

1.2. «Ущербная публичность» немецкой философии первой половины XX в.

Практически в каждой из публикаций Хабермаса, в которой говорится о публичности, всегда присутствует еще одна тема – демократия. Уже самая первая книга этого ведущего теоретика демократии и вообще политического философа немецкоязычного пространства в явной форме увязывает социально-политические проблемы и, в частности, проблему публичности, с проблемами демократии. «Меня интересует, – пишет Хабермас в предисловии 1990 г. – какой вклад данное исследование может внести в вопросы теории демократии, вновь приобретающие сегодня важное значение» [1, с. 10].

Разъяснив эту сущностную связь темы публичности с проблемой демократии, мы можем лучше понять значение его книги о публичной сфере 1962 года. Дело в том, что для немецкой философии первых десятилетий XX в. ни той, ни другой темы не существовало как позитивной философской проблемы. Во-первых, в академической немецкой философии не существовало проблемы демократии. Сегодня эта проблема обсуждается чаще всего в контексте философов, в разной форме критиковавших основы рационализма. Любую критику рациональности клеймили как «иррационализм», а на

иррационализм, в свою очередь, возлагали ответственность за подготовку и укрепление «антидемократического мышления». Наиболее естественными адресатами этой критики представлялись идеи основных представителей немецкого идеализма (Гегель, Фихте, Шеллинг), романтизм, труды Ницше, философия жизни, «органицизм» или «экзистенциализм» [29], [30]. Впоследствии критика сосредоточилась на наиболее заметных представителях какой-либо из названных традиций. Центральной фигурой здесь стал Мартин Хайдеггер, в особенности после того, как появились исследования Виктора Фариаса [5], [6] и Хуго Отта [27], [28]. Главный вывод этих исследований: краткое ректорство Хайдеггера после прихода к власти нацистов не было случайной политической ошибкой, но проистекало из самой сути его философии. Тем самым авторы лишь усилили подозрения, которые задолго до того прямо или косвенно высказывали современники Хайдеггера. В 1953 об этом говорил Карл Лёвит [23], такого же рода подозрения являются постоянным рефреном заметок К. Ясперса о Хайдеггере [18].

К 70–80-м гг. в целом сложилось мнение, что понимание публичности как позитивного феномена – а вместе с тем, и понимание демократических принципов государственного устройства – в философии Хайдеггера невозможно. Тогда истоки «антидемократизма» стали искать в его публикациях и выступлениях, появившихся до его ректорства во Фрайбургском университете, до прихода национал-социалистов во власть. Внимание обратилось на «Бытие и время»; ввиду проблемы демократии особенно пристально всматривались в знаменитые §§ 25–27, в которых задается вопрос о том, «кто» же, собственно, есть то сущее, о бытии которого в мире речь шла на предыдущей сотне страниц. И здесь Хайдеггер делает неожиданный ход. Вопреки всей традиции, строившей философию на несомненности Я («субъекта» / «человека» / «духа» / «сознания», – все эти обозначения в зависимости от той или иной философии), Хайдеггер доказывает, что идентичность этого сущего в наиболее частых и повседневных ситуациях «рассыпана» и рассеяна, растворена *вовне*. Точно так же, как человек может жить преимущественно во внешнем: в мире, в вещах, делах и заботах, он может и вопрос о себе самом понимать по образцу того, как и что делают и понимают *другие*. Он радуется и печалится, как это *принято делать*, судит о чем-то, как это *обычно делают*. Причем и здесь вопрос о «кто» не укажет ни на что определенное: «кто» здесь – «не этот или вот тот, не сам человек, и не некоторые, и не сумма всех», «кто» здесь нейтрального рода, люди (*das Man*)» [3, с. 126]; [13, S. 126]. Это не власть «тех или этих» над человеком, но совершенно особого рода феномен, *диктатура безличности*. Новаторство Хайдеггера именно в том, что он указывает на каких-либо других субъектов, «социальных агентов», но считает такое растворение и подчинение чертой, присущей самому человеку.

Впервые сходно звучащие идеи мы находим в трудах Кьеркегора. «Толпа» (*Menge*) есть неистинное. Вечно, благочестиво и по-христиански звучит то, что говорит ап. Павел: «Лишь один дойдет до цели», а не в сравнении (*vergleichsweise*), ибо в сравнении ведь присутствуют и «другие». Это означает, что каждый может быть этим Одним, и Бог ему в этом поможет – но до цели дойдет лишь один; а еще это значит, что каждый должен с осторожностью соприкасаться с «другими», и по сути в одиночку говорить с Богом и самим собой» [19, S. 99]. Однако в целом для этого феномена отсутствует термин – и Хайдеггер его изобретает, субстантивируя безличное местоимение «man». Но как только такого рода конструкт (*das Man* – «некто») изобретен, он тут же воспринимается как пародия на человека (*der Mann* – человек, мужчина), как указание на особого рода конкретных *людей*, неприметных, безликих. Он воспринимается как критика массового человека; такое понимание закрепляется, когда, вслед за Хайдеггером, проблемы массового общества начинают рассматриваться другими блистательными мыслителями и

мастерами слова. Совершенно не случайно, что «Восстание масс» Хосе Ортеги-и-Гассета появляется двумя годами позже «Бытия и времени». «Масса и власть» (1960) Элиаса Канетти выходит в свет уже в совершенно другой ситуации, но в целом помогает интерпретации Хайдеггера как сторонника консервативных ценностей и врага демократии (к обсуждению этой темы см., в частности: [\[7\]](#)).

Итак, ни демократия, ни публичность не являлись темой немецкой философии в первой половине XX в. Эти концепты были обыкновенно связаны с негативными коннотациями. Конечно, оценивая отношение немецкой философии начала XX в. к демократии и либерализму, необходимо учесть, что некоторые представители академической среды – в основном, неокантианцы – вполне допускали обозначение себя как «либералов и демократов», причем даже в том случае, когда в первые годы Первой мировой выступали в защиту Германии и «немецкого духа». Такие высказывания мы находим, к примеру, у Германа Когена [\[4, S. 304–305\]](#). Однако в случае марбургского неокантианства демократия имеет преимущественно религиозную трактовку.

Может показаться, что говорить о достижениях Хабермаса в разработке теории публичности, используя при этом примеры мыслителей, заведомо считающихся «недемократическими», «консервативными» – слишком простой, если даже не примитивный прием. Однако публичность в позитивном смысле отсутствует и в трудах теоретиков первого поколения Франкфуртской школы. Адорно и Хоркхаймер исходят из того, что к 40-м гг. «публичность (Öffentlichkeit) достигла состояния, в котором мысль необратимо превратилась в товар, а слово – в его похвалу» [\[16, S. 17\]](#). Вместо этого слова, встречающегося в «Диалектике Просвещения» один только раз, авторы значительно чаще говорят о публике (Publikum). Общая характеристика «публики» по своим негативным коннотациям едва ли отличается от тона, в котором обсуждается безличная публичность в «Бытии и времени»; раздел об индустрии культуры в этом программном произведении двух авторов можно рассматривать как продолжение хайдеггеровского анализа «das Man» – но только с учетом новой реальности медиа и экономического устройства буржуазного общества. Радио, с его гонкой за талантами, соревнованиями и рекламой отнимают у публики даже малейший след спонтанности, причем сама природа публики не является пассивным объектом воздействия индустрии культуры, но ее необходимой, сущностной частью [\[16, S. 146\]](#). По сути, Хоркхаймер и Адорно в отношении публики пытаются показать то же самое, что и в отношении идеалов Разума и Просвещения: они показывают, что Просвещению (а соответственно, и либеральным идеалам) может быть присуща саморазрушающая сила, оборачивающая просветительские идеалы в «мифологию», а демократию и публичность – превращают в авторитаризм.

Конечно, нам не следует ожидать многого также от философии, которая (как немецкая в 1910–1930-х гг.) находится под влиянием скептиков и критиков идей социума и социальности. Ренессанс Кьеркегора, характерный для Германии 1910–20-х гг. (и в соответствующий период совершенно отсутствующий в российской, французской и британской философии) с необходимостью заимствовал у Кьеркегора также и ориентацию на единичного, одинокого, изолированного субъекта и сопутствующую критику общества, форм общественной коммуникации как «неистинных». Благодаря этому социальному пессимизму в Германии стала возможной новая радикальная философия человека, ставшая поначалу известной под названием «экзистенц-философии» (1932–1936 гг.), а затем довольно быстро получившая отклик во Франции, уже под маркой «экзистенциализма». Все эти примеры мы используем лишь для

иллюстрации того нового уровня рассуждений о демократии и публичности, который достигается в работах Хабермаса.

Главной чертой изменения политической теории от Хоркхаймера / Адорно к Хабермасу и его последователям можно считать *отказ от «глобального пессимизма»*. Хотя он по-прежнему принимается в расчет, однако теперь не является ориентиром для политических исследований. В «методическом и содержательном смысле современная исследовательская программа Института социальных исследований скорее отходит от нее, нежели ее использует» [15, S. 17]. При этом сам пессимизм и скепсис этих новых политических теорий никуда не исчезает. Он лишь перемещается на структурно новый уровень. Причем в 2010–20-х гг. он как будто вновь приобретает глобальные черты. «Если еще совсем недавно на уровне описания общественных преобразований сохранялась уверенность, что либерально-демократические общества в целом следуют пути расширения индивидуальных прав и отмене авторитарных стилей поведения, укреплению форм демократического взаимопонимания, то сегодня господствует примечательная сдержанность и даже замешательство уже при самом описании этих процессов», отмечают А. Хоннет и Ф. Суттелюти; процесс достижения равенства прав находится под угрозой обернуться либо усиливающимся контролем, либо политически насаждаемой гомогенизацией [15, S. 13–14]. В последние десятилетия он имеет все те же черты «глобальности», только теперь они располагаются на других, более конкретных уровнях рефлексии. Пессимизм связан теперь не с общими идеями относительно разума и рациональности. Общей тенденцией является отход от общих умозрительных концепций, идет ли речь о критике техники Хайдеггером, критики инструментального разума Хоркхаймером и Адорно или критики власти в работах М. Фуко. Переориентация происходит в пользу «позитивных», *позитивистски* ориентированных тем и направлений исследований. Каковы они? Начиная с 2016 г., по итогам выборов в США, существенно возрос объем публикаций по проблемам популизма. Интерес к этому феномену не угасает и по сей день, причем «популизм окрашивает <все> демократии современности» [22, S. 1]. А вот другой проблемой, приобретшей особую популярность в последние десятилетия, как раз и стала проблема демократического устройства общества в новой ситуации *публичности*, причем новой ситуации современных *медиа*.

2. «Публичность 1.0»: «Структурные изменения публичной сферы» (1962)

«Публичная сфера» – одно из наиболее известных понятий Хабермаса, теория публичности изложена в его габилитационной работе, защищенной Хабермасом в 1961 г. и опубликованной годом позже. Публичная сфера не принадлежит ни государству, ни экономической системе, ни различным социальным группам. Это «место», в котором реализуется общественный разум и формируется «общественное мнение». Книга Хабермаса реконструирует историю становления публичной сферы на пример обществ Британии, Франции и Германии. В своей книге Хабермас диагностирует крах традиционных форм политической публичности, постепенно заменяемых средствами массовой информации и организацией экономики. В феодальном обществе средневековья публичная сфера в современном понимании отсутствует – это особая, «*репрезентативная публичность*», и она формируется «не как социальная область, как сфера публичности, скорее она есть нечто подобное статусному признаку» [1, с. 55, 57]. Кстати, однако одним из неожиданных выводов Хабермаса становится заключение о возвращении некоторых черт средневековья в политической культуре XX в. Рациональная критика постепенно уступает место особому рода *publicity* – она уже скорее предполагает конформность и согласие, и в этом смысл «ни к чему не обязывает», но скорее предлагает нечто тому, кто готов за этим последовать, а со

стороны тех, кто эту гласность «предъявляет», publicity отсылает к личному престижу и сверхъестественному авторитету, и мы можем говорить о «рефеодализации публичности» [1, с. 270]. Собственно буржуазная сфера публичности зарождается в XVII—XVIII вв. и реализуется поначалу в форме клубов, салонов и литературных обществ. Навыки и практика критического обсуждения, сформировавшаяся поначалу в обсуждении литературных произведений, вскоре была применена к государственным вопросам. Параллельно, рост и укрепление нового класса буржуазии требовал все большей осведомленности относительно состояния и перспектив рынка; эти интересы способствовали развитию периодической печати (журналов и газет).

Для буржуазной сферы публичности в ее классическом виде характерно резкое разграничение между «публичным» и «приватным». Государственные и политические вопросы – «публичны», тогда как гражданское общество, рыночная экономика и семья – «приватны». Участники буржуазной публичной сферы – *приватные* субъекты, они вступают друг с другом в рациональную коммуникацию по поводу дел публичных. Хабермас исходит из презумпции, что эти индивиды ориентированы на рациональность и критические аргументы. Из этого следовало также, показывает Хабермас позднее, что эти участники публичной сферы почти исключительно были мужского пола, имели образование и не были бедны. Правда, формально социальный статус участников коммуникации выносился за скобки, основным условием для участия в публичной сфере была грамотность. Структурные трансформации этой «классической» сферы буржуазной публичности приходят с обществом «массовой демократии». Расширившись за пределы образованных состоятельных индивидов, сфера публичности уже не могла исключать вопросы экономического неравенства. Теперь публичная коммуникация и дебаты вышли далеко за пределы критической аргументации, став выражением противостояния интересов различных социальных групп. Вмешательство государства, изобретение и обширное применение технологий манипуляции общественным мнением произвели существенные изменения в сфере публичности.

Мы говорили, что символика двух книг на одну и ту же тему, разделенных более чем полувековой временной дистанцией, сама является отчасти медийным жестом. Более пристальный взгляд позволит увидеть, что публичность является темой не только этих двух книг, но и вообще значительного числа трудов Хабермаса. Так, например, он затрагивает проблему публичности в собрании статей «Фактичность и значимость».

3. «Новые структурные изменения» публичной сферы. «Публичность 2.0»

В сравнении со всеми идеями, высказанными Хабермасом относительно публичности в 1960–2010-х гг., его последняя попытка выявить изменения, произошедшие с публичностью, представляется не столь революционной и радикальной. Исследователь делиберативной политики найдет в текстах «много знакомого и мало нового» [8], теоретики медиа найдут, что большая часть критических замечаний в адрес новых форм публичности уже не раз озвучивалась в связи с критикой Facebook и Twitter.

Одна из главных идей публикации 2021/22 гг. заключается в том, что современные медиа достигли качественно нового уровня, и это новое их качество создает ряд угроз для современной либеральной демократии. Одна из таких угроз заключается в сегментации публичности, ее превращении в ряд замкнутых и друг от друга изолированных «миров» – Хабермас называет этот феномен «фрагментацией». Два других феномена новой публичности, находящихся под влиянием медиа – дезинформация и поляризация. Дезинформация, о которой особенно много говорят в

последние семь лет, используя словосочетание «fake news», использует двуединую стратегию: с одной стороны, преследование «лживой прессы», с другой – намеренное распространение недостоверных сведений. Все эти три феномена новых медиа разрывают единое пространство гражданского общества, тогда как для того, чтобы демократия функционировала, необходимо, чтобы население находилось в согласии по крайней мере какого-то минимального ядра убеждений. Итак, новые структурные изменения публичности Хабермас связывает именно с принципиально новой ролью медиа. Однако ни в теории новых медиа, ни в распознавании новой медийной роли социальных сетей, начавшей становиться заметной лишь с 2008–2010-х гг., Хабермас не является первооткрывателем. После Маршалла Маклюэна, абсолютного пионера в области теории медиа, одним из его крупнейших теоретиков был не менее знаменитый соотечественник Хабермаса, Никлас Луман [\[24\]](#). Проблема публичности и цифровых медиа широко обсуждалась и в предшествующее десятилетие³.

Публичность – ключевая тема для проблемы демократии у Хабермаса. (В свою очередь, теория демократии, наряду с конституционно-правовой структурой современного общества – ядро политической теории Хабермаса). Но еще более точным было бы сказать, что в центре политической теории немецкого философа находятся *три* взаимосвязанные темы: разум, дискурс и публичность. Каждая из них соответствует важному блоку внутри наследия Хабермаса. С отказом от философии субъективности (в частности, феноменологии Гуссерля), «разум» символизирует коммуникативную рациональность. Средой и способом проявления этой рациональности является *дискурс*. Различные системы дискурса являются формой коммуникативного прояснения притязаний на значимость в условиях пост-метафизического мышления в плюралистических обществах. Именно поэтому дискурс по своей природе *публичен* (*öffentlich*). Хабермас исходит из презумпции партнеров по диалогу, ориентированных на взаимное понимание. Согласовывая друг с другом свои политические цели, участники должны предъявить друг другу основания значимости своих целей и суметь аргументативно защитить их в процессе обмена мнениями. Цель при этом – признание этих целей также и другими участниками коммуникации. Особую сложность этого дискурсивного обоснования притязаний образует то, что право лишь отчасти обосновывается в процессе аргументации. С другой стороны, оно учреждается и поддерживается административной властью, таким образом фактически действующее (*geltendes*) право не обязательно обладает также и рациональной легитимностью [\[10\]](#).

Именно необходимость связи «фактического» и «значимого», нормативного и определяет ту роль, которую для всей философии Хабермаса играет тема публичности.

Примечания

¹ Впрочем, сегодня не менее часто можно встретить обозначения, намекающие на достижения новых этапов развития публичности, например, «Публичность 3.0».

² К истории этого термина см., в частности: [\[15\]](#); [\[20\]](#).

³ Ср., в частности: [\[25\]](#) (здесь в наиболее структурированном виде даются различные виды цифровых медиа: онлайн-издания, блоги и микроблоги, корпоративные платформы, домашние страницы и, наконец, социальные сети. Понятие «цифровой публичности» определяется, соответственно, как «совокупность свободно доступных цифровых коммуникационных медиа, доступного там контента, а также всех индивидов, обогащающих и потребляющих эти медиа в качестве авторов, комментаторов или

читателей.

Библиография

1. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества. С предисловием к переизданию 1990 года / Пер. с нем. В.В. Иванова. М.: Весь мир, 2016.
2. Хабермас Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика / Пер. с нем. Т. Атнашева, научн. ред. Т. Вайзер. М.: Новое литературное обозрение, 2023.
3. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Библихина. М.: ad Marginem, 1997.
4. Cohen H. Kleinere Schriften V. 1913—1915 / Bearb. u. eingel. v. H. Wiedebach // Hermann Cohen. Werke. Bd. 16. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms, 1997. XXXVI, 671 S.
5. Farías V. Largasse: Heidegger et le nazisme. Lagrasse: Editions Verdier, 1987.
6. Farías V. Heidegger und der Nationalsozialismus / Aus dem Spanischen und Französischen übers. v. K. Laermann, mit einem Vorw. v. J. Habermas. Frankfurt a.M.: S. Fischer, 1987.
7. Féher I.M. Heidegger und Kant – Heidegger und die Demokratie // Europa und die Philosophie. Frankfurt a.M.: Vittorio Klostermann, 1993. S. 105-127 (Martin-Heidegger-Gesellschaft. Schriftenreihe. Bd. 2).
8. Freudenthaler R. Habermas, Jürgen: Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit und die deliberative Politik // Publizistik. 2023. Bd. 68. S. 389–391.
9. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Luchterhand, Neuwied am Rhein 1962 bis 1987 (17. Auflage), ISBN 3-472-61025-5; 1. bis 5. Auflage der Neuauflage, Suhrkamp, Frankfurt am Main 1991 bis 1995.
10. Habermas J. Faktizität und Geltung: Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1992.
11. Habermas J. Postscript to Faktizität und Geltung // Philosophy & Social Criticism. 1994. Vol. 20. No. 4. P. 135–150.
12. Habermas J. Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit? In: Martin Seeliger, Sebastian Seignani (Hrsg.): Leviathan. Sonderband 37. Nomos, Baden-Baden 2021. S. 470–500.
13. Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen: Niemeyer, 2001. 18. Aufl. XIV, 445 S.
14. Hölscher L. Öffentlichkeit // Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Red.: W. Conze, unter Mitarbeit v. Chr. Meier. Bd. 4 (1978) Mi-Pre. S. 413–467.
15. Normative Paradoxien. Verkehren des gesellschaftlichen Fortschritts / Hrsg. v. A. Honneth, K.-O. Maiwald, S. Speck, F. Trautmann. Frankfurt am Main; New York: Campus Verlag, 2022. 405 S.
16. Horkheimer M. Gesammelte Schriften. Bd. 5: "Dialektik der Aufklärung" und Schriften 1940–1950. Frankfurt a.M.: S. Fischer, 1987.
17. Habermas J. Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit und die deliberative Politik. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2022.
18. Jaspers K. Notizen zu Martin Heidegger / Hrsg. v. H. Saner. München; Zürich: Pieper, 1978.
19. Kierkegaard S. Die Schriften über sich selbst. Düsseldorf; Köln: Diederichs, 1964. XVI,

176 S.

20. Kohler G. Öffentlichkeit // Neues Handbuch philosophischer Grundbegriffe. Begr. v. H. Krings, H.M. Baumgartner u. Chr. Wild ; neu hrsg. v. P. Kolmer, A.G. Wildieuer. Bd. 2 (Gerechtigkeit - Praxis). Freiburg. i. Br.; München: Karl Alber, 2011. S. 1663–1675.
21. Welche Öffentlichkeit brauchen wir? Zur Zukunft des Journalismus und demokratischer Medien. Wiesbaden: Springer VS, 2023.
22. Lewandowsky M. Populismus. Eine Einführung. Wiesbaden: Springer VS, 2022. 196 S.
23. Löwith K. Heidegger – Denker in dürftiger Zeit // Löwith K. Sämtliche Schriften. Stuttgart: J.B. Metzler, 1984. Bd. 8: Heidegger – Denker in dürftiger Zeit. S. 124–163.
24. Luhmann N. Die Realität der Massenmedien. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996. 2., erw. Aufl.
25. Mielke B., Wolff Chr. Gerichtsverfahren und der Strukturwandel der Öffentlichkeit durch digitale Medien // Transparenz. Proceedings 17. Internationales Rechtsinformatik-Symposium Salzburg (IRIS 2014) / Eds: E. Schweighofer, F. Kummer, W. Hötendorfer. Wien: Österreichische Computer-Gesellschaft (ÖCG), 2014.
26. Noelle-Neumann E. Öffentliche Meinung. Die Entdeckung der Schweigespirale. Berlin; Frankfurt a. M.: Ullstein, 1996.
27. Ott H. Martin Heidegger. Unterwegs zu seiner Biographie. Frankfurt a.M.: Campus Verl., 1988.
28. Ott H. Martin Heidegger. A Political Life. London: Harper Collins, 1993.
29. Sontheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 1957. Hf. 1. S. 44–62.
30. Sontheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik: die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918 und 1933. München: dtv Verlagsgesellschaft, 1978.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой обстоятельное и весьма квалифицированное освещение дискуссий, связанных с понятием «публичность», которые велись в немецкой философии с 60-х гг. прошлого века и продолжают вестись сегодня. Вполне ожидаемо, что в центре этих дискуссий оказывается фигура Ю. Хабермаса, «властителя дум» уже нескольких поколений читателей, верящих в возможность функционирования в буржуазном обществе механизма принятия решений, которые основывались бы на рациональной аргументации различных точек зрения и демократической организации выбора модели решения социальных проблем из множества предлагаемых альтернативных вариантов. Следует констатировать, что автору удалось представить ясную и достаточно полную картину дискуссий по социально-философской проблематике, связанных с понятием публичности. Замечания, которые могут быть сделаны к тексту статьи, носят рекомендательный характер, и они не могут рассматриваться в качестве препятствия для решения Редакции о возможности публикации. В статье присутствуют подзаголовки, и это помогает усвоению её содержания, но нет привычных для большинства читателей введения и заключения. Первый абзац текста является описательно-историческим по своему характеру (что в определённой степени соответствует тематике и реальному содержанию и статьи в

целом), в нем нет формулировки проблемы и задач исследования. Думается, дополнение этого фрагмента соответствующими (хотя бы краткими) указаниями будет способствовать тому, что читатели увидят в статье не только историю обсуждения избранного автором понятия, «сгруппировавшего» вокруг себя социально-философские дискуссии последних десятилетий (и, разумеется, не только в Германии), но и «приглашение» к собственным размышлениям по проблеме роли рациональности в принятии решений в социально-политической сфере в современном мире. Примерно то же самое можно сказать и о двух завершающих абзацах, которые также по существу можно рассматривать как заключение, но и в этой части текста можно было бы оттенить именно результаты проделанной автором работы, чтобы у читателя не оставалось впечатления, что ему просто рассказали некую «интересную историю», которая закончилась и уже не требует продолжения. Правда, при этом (если заключение выделить в качестве отдельного фрагмента текста) последний пункт (««Новые структурные изменения» публичной...») окажется слишком кратким, его нужно будет расширить, да это, думается, и по существу было бы правильным. Далее, автор, кажется, не вполне критично относится к самим принципам Ю. Хабермаса. Насколько «реализуемы» они в современном буржуазном обществе? Вряд ли стоит подробно доказывать, что ни в Германии, ни в других частях сегодняшнего «цивилизованного мира» ни рациональность, ни долженствующие основываться на ней демократические механизмы принятия решений не играют существенной роли в социально-политической жизни. Не следует ли из этого, что сами представления Хабермаса были весьма упрощёнными, а потому и поддерживались реальными субъектами политической жизни как безопасные благонамеренные иллюзии? Кажется, последнее предложение текста позволяет полагать, что и сам автор приближается к подобной постановке вопроса. Одним словом, хотелось бы, чтобы автор продолжил свои исследования темы «публичности» с учётом реального положения в сегодняшней социально-политической жизни. Рекомендую рецензируемую статью к публикации в научном журнале.